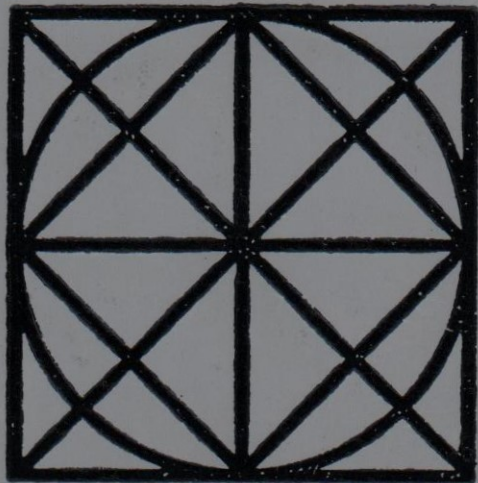

АВ-74

Л-86

ИСКУССТВО ВОСТОКА

МИФ·ВОСТОК

XX ВЕК

И. И. Шептунова

СКАЗКА О КОВРЕ И САМОЛЕТЕ*

18 мая 1995 г. в Музее Востока в Москве открылась выставка «Реальность и миф в искусстве Советского Востока». Колонны в залах ампиричного особняка, словно в первые годы советской власти, были затянуты красными полотнищами с лозунгами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Все на уборку хлопка!», «Долой чадру!», и входящих встречали образы Изобилия — дева в алом платье, снимающая виноградные гроздья на картине Нурали, и другая красавица на туркменском ковре сочных гранатовых оттенков. Праздник урожая и героический труд, полыхание красных тонов в живописи, ткачестве, вышивке — символ осуществленной мечты, энергетики построенного нового мира. И вклад каждого в это общее дело — вот мастерица выткала ковер, народ собрался на широкой террасе кол-

---

* Статья написана по материалам доклада, прочитанного на конференции «Советский миф в искусстве Востока» 25 мая 1995 г.

Упомянутые в статье экспонаты выставки принадлежат собранию Государственного музея Востока. Постраничные ссылки на неоднократно издававшиеся литературные произведения не приводятся. В статье использованы тексты романа Бруно Ясенского «Человек меняет кожу» (1932—1933), повести Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» и произведений А. де Сент-Экзюпери. Ссылки на текст газеты «Известия» за май 1935 г. приводятся с датой без указания номеров, например: 01.05.1935; 18.05.1935.

хозного клуба, утреннее солнце освещает горную грядку на горизонте, откинута легкая ткань — и взорам собравшихся открывается шедевр ковроткачества — портрет Вождя.¹ На соседней стене — настоящий ковер с таким портретом, а рядом с ним — другой, с портретом наркома Ворошилова.² Как положено по традиции, выткана и кайма с тонким орнаментом, только вот на портрете наркома обороны она дополнена второй полосой с новой эмблематикой — пулеметы, патронташи, сабли и реющие самолетики. Вспоминаются слова песенки, которую гайдаровская героиня напевает на улочке подмосковного дачного поселка: «Летчики-пилоты, бомбы-пулеметы, вот и улетели в дальний путь...» Поезд и самолет — обещание пути в неизведанное, образ особой свободы и связи между дальними пределами огромной родины и ее сердцем — столицей с кремлевскими звездами, — становятся полноправными героями романтической лирики советской эпохи.

* * *

«Самолет мчался над степью. Встречаемые изредка группы верблюдов в ужасе бросались вскачь, оглушенные гулом мотора. Пастух в меховой остроконечной шапке при виде бреющего землю самолета в панике кинулся бежать, преследуемый огромной тенью настигающей его махины, и внезапно, чувствуя ее над собой, грохнулся ниц наземь. <...>

С разбега они налетели на маленький городишко, раскинувшийся в степи свои плоские домики, похожие на кизяковые кирпичи. В городишке был сход. На площади стояло много телег, запряженных верблюдами, и топталась густая толпа людей в остроконечных шапках. При виде надвигающегося самолета верблюды понеслись с телегами в степь, семена в исступлении, с головами, заброшенными вверх на изогнутых шеях, как четвероногие страусы. Страх одним дуновением смел толпу с площади».

Эти строки принадлежат Бруно Ясенскому, в названии своего романа уподобившего человека змию, меняющему свое обличье на

другое — поновей и поярче. Есть ли у нас право уже сейчас судить о том времени между двумя мировыми войнами, времени, когда в отдельно взятой стране утвердилась иная мораль — вседозволенность первопроходцев и строителей нового мира? Историки и журналисты наперебой внедряют в наше сознание образы мира, в котором мы живем сейчас, вместе с нашими детьми, и в котором мы жили раньше — с нашими родителями или без них, в котором детям нашим жить не доводилось, как и нам — во времена юности наших родителей? Из этих квантов человеческих жизней и складывается то самое семидесятилетие, которое все еще тревожит умы и души наши, и личное переживание этого времени все еще не отделимо от попыток взвешенных исторических штудий. Правда, у каждого — свое.

Время между двумя мировыми войнами — это сердцевина века, время коренного преобразования мира, когда изменился и внешний образ его — скорость, расстояния, строения и одежды, вес и цвет вещей, срок их жизни и смерти. Прямые линии железных дорог и электропередач, споря с изгибами земного тела, протянулись из-за горизонта, доставая окруженные лесами селения, и посланцы небес с рокотом закружили над полями. Мир удивительным образом сжался — для тех, кто измерял его теперь часами перелета, и стал неизмеримо и таинственно огромен — для тех, кто лишь по шагам высоковольтных линий мог угадать пути к далеким городам и странам.

Мои школьные годы прошли вблизи сначала строившегося, а затем работающего города Жуковского, названного в честь великого русского авиаконструктора и прилепившегося к скрытому в лесах летному полигону Центрального авиационного государственного института (ЦАГИ). К нам на пионерские сборы приходили уже отлетавшие и уцелевшие герои-испытатели, а порой через сосновый парк доносились звуки похоронных маршей, и в любое время суток окрестности оглашал вой невидимого чудовища — аэродинамической трубы. И гайдаровский текст из «Голубой чашки» так легко ложился на местный пейзаж, с его болотцами, борами и неожиданно встающими в них заборами полигона.

Синеглазый одноклассник с длинными девичьими ресницами и таким же нежным именем — Валя — приносил нам из сада своего отца-селекционера дивные цветы, знал все о жизни всякой твари и читал ужасно взрослую книгу — «Диалектику природы». Он мог бы стать героем нашего экологически озабоченного времени, но близость аэродрома сделала свое дело. Много лет спустя мы с сыном встретили на дачной платформе высокого синеглазого человека. «Здравствуй, — сказал он. — А у меня дочь. Нет, летаю на сверхскоростных. Что ты, просто испытываю приборы. Сверхточная техника» — «Мне сверху видно все, ты так и знай?» — пошутила я. — «Не все, к сожалению», — он не шутил.

Что же видно оттуда, сверху, с их сверхточной техникой? Иссохший Арал, едва прикрывающий обнаженное дно мелким колючим снегом, или солнце над Гималаями, куда теперь лететь через войну. И голубое зеркало Адриатики, куда тоже — через войну. И самолеты над южными селениями и дивными горами, пастбищами и водопадами роняют свой жуткий груз туда, где мой сын делил хлеб и вино с чабанами. Так можно ли отделить личное от научного дискурса? И разве не лично для каждого из нас то, что случилось 60 лет назад, в майские дни 1935 года?

Почему именно месяц май за семь лет до начала Великой Отечественной я выбираю, чтобы заглянуть в дебри «советского мифа»? Я ищу там самолет, вернее, все о самолетах и пилотах на пожелтевших страницах «Известий». И то, что рядом с ними: первомайский парад, первый госзаем, первая очередь метро, декларация Гитлера, визит в Москву Пьера Лавала.

Вот номер от 1 мая. Под рубрикой ЛЮДИ — заметки с мест.

«НА СВОЕМ САМОЛЕТЕ»

Саратов, 30 апреля. Допризывник Виктор Николаев собственными руками построил самолет — самый маленький моноплан из всех существующих. Длина его фюзеляжа — 4 метра, весь самолет весит 90 килограммов.

Свой самолет Николаев начал строить несколько лет назад, приобретая понемногу все необходимое для задуманного дела. „Авиазавод“ Николаева помещался в одной из комнат его квартиры. Там он клеил, строгал и паял. <...>

Вчера самолет „НВ—1“ испытан в воздухе. Допризывник Николаев поднялся на нем на высоту 1000 м и развил скорость 100 километров в час. Завтра товарищ Николаев на собственном самолете поднимется в воздух, чтобы участвовать в первомайской демонстрации». «Известия», 01.05.35.

«УЧЕНИК ВЕЛИ РАГИМОВА

Баку, 30 апреля. В Москву на первомайские торжества выехала делегация знатных людей Каспия. Делегацию возглавляет лучший ударник парохода „Фомин“ Климентий Костин, назначенный сейчас помощником капитана на пароходе „Орджоникидзе“.

Более 30 лет т. Костин плавал матросом. До прошлого года он не имел никакого понятия о внутреннем устройстве судового компаса, об астрономических вычислениях. Как же он стал судоводителем?

В январе 1934 года на пароход „Фомин“, совершающий рейсы по линии „Баку—Пехлеви“, был назначен третьим помощником капитана молодой тюрк-коммунист тов. Вели Рагимов. Сдружившись с Костиным, он решил своего друга сделать командиром судна.

Костин отлынивал, ссылаясь на шестой десяток <...> Но Вели Рагимов — настойчивый человек. „Смотри, — говорил Рагимов, — каким мы, тюрки, были забитым и темным народом, а сейчас вот я, тюрк, окончил мореходный техникум и учу тебя, старого русского матроса...“

Через пять месяцев Костин сдал экзамен и был назначен приказом по каспийскому пароходству помощником капитана, а его молодой учитель, Вели Рагимов, получил благодарность и денежную премию». «Известия», 01.05.35.

Майские номера «Известий» плетут праздничный узор текстов, в котором «восточная тема» соединяется с образом страны победившего социализма, с его дружбой народов, освоением бескрайних просторов, победой над природой и торжеством умной техники, созданной на благо народа. «Почему интересна история Востока» — вопрошает проф. Якубовский, чтобы тут же и объяснить это читателям. А. Калита — две корреспонденции из Средней Азии — «В Ягнобской долине» (15.05.35) и «В джунглях Таджикистана» (23.05.35); Эль Регистан — «Топор-нога, сын тундры» (23.05.35). Здесь же фото с летчиками, героями перелета Москва — о. Диксон (Герой Советского Союза В. С. Молоков) и статья С. Евгеньева «Покровители чадры». Л. Сейфуллина пишет о русско-татарской деревне Борисовка и приводит интервью с председателем колхоза Рахматуллой Галеевым:

«Тракторы есть, автомобиль, велосипеды. Теперь аэроплан надо. В чем дело? Надо, так купим».

Разумеется, репортажи о первомайской демонстрации занимают главное место. «СТАЛЬ И ЦВЕТЫ» — пишут об этом «Известия» в редакционной статье 4 мая, «СТАЛЬНЫЕ КАДРЫ» — это уже редакционная статья 6 мая вместе с публикацией речи Сталина перед выпускниками Академии Красной армии 4 мая 1935 г., и словно чтобы еще раз подхватить игру аллитераций — статья И. Кина о Николае Островском — «Как закаляется сталь» (21 мая).

4 мая 1935 г. было опубликовано Постановление ЦИК СССР о награждении мастеров парашютного дела, приказ наркома обороны К. Е. Ворошилова о награждении орденом Ленина В. П. Чкалова и Н. Н. Поликарпова. В эти же дни газеты публикуют и фотографию Нины Камневой, награжденной орденом Ленина за мировой рекорд в затыжном прыжке с парашютом, совершенном 13 августа 1934 г., а 6 мая на Тушинском аэродроме инструктор парашютного спорта тов. Даксергоф совершает прыжок с микрофоном и ведет репортаж о своих ощущениях во время прыжка. Лев Кассиль пишет статью «Пешком с неба» («Известия», 06.05.35), а 7 мая появляется и фото полета Даксергофа.

Одновременно со штурмом небес завершается и очередной раунд борьбы с подземным миром — 15 мая передовица «Известий» гласит: «ЕСТЬ МЕТРО!»

Однако самым захватывающим событием майских дней 1935 г. был первомайский полет самолета-гиганта «Максим Горький» с типографией и командой журналистов на борту. Вел агит-самолет Герой Советского Союза Михаил Михайлович Громов, вместе со вторым пилотом-орденоносцем Иваном Васильевичем Михеевым. Командиром эскадрильи был журналист Михаил Кольцов, который вел репортаж с борта самолета. Борис Ефимов в очерке «В „Максиме“ над Москвой» («Известия», 04.05.35) приводит слова из его репортажа:

«Большевистская печать особенно горда и счастлива тем, что она может на созданном ею самолете-гиганте открывать сегодня парад военно-воздушных сил».

Самолет-гигант базировался на Центральном аэродроме, где 15 мая его осматривали министр иностранных дел Франции г-н Пьер Лаваль и м-ль Жозе Лаваль вместе с группой французских журналистов. 100 человек поднялись на борт «летающего агитатора». Самолет привел французскую делегацию в восхищение. Особый профессиональный интерес, отмечает газета, вызвала находящаяся на самолете типография. Еще до осмотра самолета-гиганта гости успели посетить Тушинский аэродром — место проведения столичных авиаспортивных празднеств — и завершили день приемом у наркома печати К. А. Уманского.

18 мая самолет-гигант, ведомый экипажем в 11 человек с пассажирами на борту — ударниками из инженеров, техников и рабочих ЦАГИ, а также членами их семей, вновь поднялся с Центрального аэродрома. В 12 часов 45 минут «Максим Горький» и сопровождавший его истребитель потерпели аварию в районе поселка Сокол. Причиной катастрофы послужило неправильное пилотирование сопровождающего самолета летчиком Николаем Павловичем Благиным, совершавшим фигуры высшего пилотажа в непосредственной близости от гиганта.

20 мая «Известия» поместили на первой полосе сообщение ТАСС о катастрофе, некролог «Памяти погибших», подписанный Сталиным, Калининным и Молотовым, и выше, там, где в советских газетах отведено место для лозунгов дня — постановление Совнаркома о строительстве трех новых самолетов-гигантов — «Владимир Ленин», «Иосиф Сталин» и «Максим Горький». Дальше шли статьи Л. Кассиля «Кораблю и людям» и Н. Бухарина «Черная молния» о погибшем нарушителе летной дисциплины.

21 мая газеты вышли с длинным фризом фотографий погибших. Два крупных фоторепортера симметрично представили Сталина и Молотова в почетном карауле в Колонном зале Дома Союзов. Появились в печати первые отклики с мест и из-за рубежа. Они шли под рубриками «ПУСТЬ СКОРЕЕ ВЗЛЕТЯТ САМОЛЕТЫ-ГИГАНТЫ!», «ПОСТРОИМ ТРИ САМОЛЕТА-ГИГАНТА!», «НОВЫЕ САМОЛЕТЫ-ГИГАНТЫ БУДУТ ЛЕТАТЬ НАД СТРАНОЙ», «ДАДИМ ЛЕТАЮЩИЕ „ТИПОГРАФИИ“».

«Детское село, 21 мая. По телеграфу: Вношу 2000 рублей на постройку новых самолетов-гигантов. Алексей Толстой». О необходимости строительства агит-самолетов пишут в «Известия» директор Камерного театра Т. А. Таиров и его парторг А. Орехов (22.05.35).

23 мая в Москве открывается авиавыставка. В этот день газеты помещают крупно набранный текст «ДОЛОЙ ФОКУСНИКОВ ДЕЛА И СЛОВА!». Осудив безрассудные действия погибшего пилота Н. П. Благина, автор провозглашает:

«Да здравствует мудрость, решившая создать на месте погибшей единицы три новых, мудрость, способная создать взамен погибших тысячи новых завоевателей земли, воздуха и всех сил природы!»

Подпись — «М. Горький».

Телеграммы с выражением сочувствия шли из-за рубежа вместе с восхищением решимостью продолжить строительство самолетов-гигантов. Международные эксперты подтверждали высокое качест-

во советского самолета. «Известия» перепечатали статью из «Юманите». Вот ее текст:

«Большевики не такие люди, которые плачут над могилами погибших. Они считают, что высшая честь, которую можно им оказать, — это добиваться, чтобы их мужество пошло на пользу трудящемуся обществу. „Максима Горького“ больше нет, но взамен — три новых, столь же прекрасных, столь же совершенных, столь же полезных, как погибший гигант. Они будут распространять вплоть до самых отдаленных деревень социалистическую культуру, носителем которой являлся „Максим Горький“».

Среди наборщиков «Пари-спор» распространялся подписной лист, в котором, в частности, говорилось:

«„Максим Горький“ № 1» — символ народа, освободившегося от господ. Новые гиганты — символ всех народов, желающих освобождения».

Материалы, посвященные памяти погибшего самолета и его экипажа, публиковались до конца мая. Рядом с ними, постепенно оттесняя их с первых полос, появляются или продолжаются другие темы. Были награждены за трудовые подвиги строители метрополитена (их портреты, по замыслу газетного дизайнера, в отличие от траурного ряда 21 мая, шли вертикальной полосой). 23 мая была опубликована декларация Гитлера, 27 мая на первой полосе прошел большой материал «В прокуратуре СССР», сообщавший о выступлении А. Я. Вышинского о злоупотреблениях должностных лиц. 28 мая в «подвале» «Известий» напечатана статья Рудольфа Гауса «Германский военно-воздушный флот». Успешно шла подписка на первый государственный заем. «На излете» трагической темы появилась почти фарсовая — не столько по тексту, сколько по контексту, — статья «Парящий полет», автор которой, О. Александр, сетовал на недостаток игрушечных планеров и призывал срочно наладить их производство в целях воспитания подрастающего поколения.

Именно в это время корреспондент «Пари Суар», авиатор и писатель Антуан де Сент-Экзюпери, находился в командировке в Москве в группе французских журналистов. Биограф Экзюпери³ упоминает о заметке, написанной им в мае в «Известия», однако, кроме приведенных выше материалов, мне не удалось там обнаружить никаких французских откликов.

* * *

Это не я, а сама жизнь сводит вместе литературные метафоры, чтобы построить из них миф о новом Икаре. И уже по логике мифа самолет, носивший имя «буревестника революции», рухнул на землю в районе поселка, носившего имя «Сокол», и по той же самой логике мифа метафоры Ужа и Сокола — у Горького и у Ясенского — соединились в космологуемой мировой оси, разметавшей по вертикали обреченных на гибель от небес и от подземелий.

Родство это вряд ли может быть случайным — ибо миф «советский» вырастал из мифологии предшествующей поры — метафорического сознания европейского символизма и русского «серебряного века», с их жадной синтеза всех искусств в новое эстетизированное утопическое пространство, с их тоской по «новому человеку», который будет помещен в идеальный недвижимый мир — независимо от его воли. Надо лишь содрать с него кожу — и обновленным он примет сказку, ставшую былью, сотворенную людьми со стальными руками-крыльями и пламенным мотором вместо сердца.

Не случайно рассказ о демиургической воле инженера, решившего повернуть реки и изменить лик земли, вкладывается Бруно Ясенским в уста того самого летчика, которому так нравилось шалить над степью:

«Из докладных записок явствовало с потрясающей очевидностью, что перевернуть ту или иную реку хвостом вверх не только можно, но совершенно необходимо, и казалось вообще непонятным, почему это не сделано до сих пор. <...>

В большом зале по паркетному полу, от большой доски к столу с развернутыми на нем чертежами, в серой рабочей

куртке, ходит инженер, росчерком мела на доске изменяет течение рек, чертами каналов прорезает безводные пустыни, движением руки рассеивает тучи и перемещает огромные воздушные массы. Беспомощный маньяк в рамках капитализма, бесплодный фантазер в отрыве от масс, совершавших революцию, могущественный победитель природы — с тех пор как стал рупором класса, переделывающего мир <...>

Так, или приблизительно так говорил сероглазый летчик».

И опять же по логике мифа и ритуального сознания слова популярного марша «мы рождены, чтоб сказку сделать былью» каждый относил лично к себе и своему поколению (так позже квази-частушка «Ух ты, ах ты! / Все мы космонавты. / На своей работе / Мы всегда в полете!» воспитывала сознание всепричастности к подвигу народа, преодолевшего первую космическую скорость).

Миф о покорителях небес не отделим от советского утопического сознания. «Соревнование двух систем», чтобы видно было всем народам, перешло в околоземное пространство. И новый миф, вылупившийся из прежнего, отодвигал нас еще дальше от самих себя. Тем благодарнее мы должны быть голосу, окликающему и заставляющему вспомнить об Истине:

«...Что-то произошло в воздухе, что-то сдвинулось в пространстве с нарастающим вулканическим грохотом. И совсем рядом, где-то совсем вблизи, в зоне космодрома, взметнулась столбом в небо яркая вспышка грозного пламени. Буранный Едигей отпрянул в испуге, а верблюд с криком вскочил с места <...> Собака в страхе кинулась к ногам человека.

<...> Ракеты уходили в дальний космос — закладывая вокруг земного шара постоянно действующий кордон, чтобы ничего не изменилось в земных делах, чтобы все оставалось как есть <...>

Небо обваливалось на голову, разверзаясь в клубах кипящего пламени и дыма <...> Человек, верблюд, собака, эти простейшие существа, обезумев, бежали прочь. Объятые ужасом, они бежали вместе, страшась расстаться друг с другом, они

бежали по степи, безжалостно высветляемые гигантскими огненными сполохами <...>

И вдруг, почудилось Едигею, откуда ни возьмись появилась сбоку белая птица, некогда возникшая из белого платка Найман-Аны, когда она падала с седла, пронзенная стрелой собственного сына-манкурта <...> Белая птица быстро полетела рядом с человеком, крича ему в том грохоте и светопреставлении:

— Чей ты? Как твое имя? Вспомни свое имя!»

* * *

Может быть, мы сгущаем краски или просто капризничаем? Не слишком ли мы наивны, полагая, как та лисичка, с которой Чингиз Айтматов начинает свою повесть, что есть где-то на земле место, где поезда не ходят, а обедков вдоволь? Или, может быть, логика нашего времени, одаривая прогрессом, требует живых жертв? Но лучше вспомнить о другом звере, мудром Лисе, явившемся Маленькому Принцу, чтобы научить его Истине, то есть подлинному Мифу, и передать это знание дальше.

В такой же пустыне, наедине с жестокими небесами и суровой землей, пилоту Сент-Эксу⁴ открывались иные отношения между миром и человеком с обретенными им крыльями.

«Самолет — не цель, он всего лишь орудие. Такое же орудие, как и плуг <...> Это он открыл нам истинное лицо земли».

«Поначалу казалось — самолет отдаляет человека от природы, — но нет, еще повелительней становятся ее законы. Грозовое небо вызывает пилота на суд стихий — и, одинокий, он отстаивает свой груз в споре с тремя изначальными божествами: с горами, морем и бурей».

Не потому ли и городок, и люди, живущие в нем, вызывают у приземлившегося странника небес такое затаенно-восхищенное любованье, такое почтение к представшей перед ним жизни и готовность видеть в ней то же божественное начало?

«Что могу я знать о девушке, которая не спеша возвращается домой, опустив глаза и улыбаясь про себя, поглощенная милыми выдумками и небылицами? Из невысказанных мыслей возлюбленного, из его слов и его молчания она умудрилась создать собственное королевство, и отныне для нее все другие люди — просто варвары. Я знаю, она замкнулась в своей тайне, в своих привычках, в певучих отголосках воспоминаний, она далека от меня, точно мы живем на разных планетах. Лишь вчера рожденная вулканами, зелеными лужайками или соленой морской волной, она уже почти божество».

Пилот, проложивший первые трассы через океан и пустыню, не покорял небеса, но открывал землю, человека, их извечную связь.

«Всем телом я чувствовал — земля подпирает меня, поддерживает, несет сквозь бескрайнюю ночь <...> и я наслаждался этой великолепной опорой, такой прочной, такой надежной, и угадывал под собой выгнутую палубу моего корабля <...>

Здесь, совсем рядом с этими черными потоками, особенно остро ощущаешь, какое это чудо — человек. Редкостная удача! Бог ведь как, бог ведь почему этот странник забрел в сады, которые словно только его и ждали, в сады, где жизнь возможна лишь одну геологическую эпоху — краткий срок, мимолетный праздник среди нескончаемых будней».

Извечный зов небес, породивший мечту о полете, мечту, сотворившую миф о летающем человеке, не губил ни земли, ни человечества. Все зависит лишь от того, в чьих руках штурвал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хаджиев. «Подарок Сталину». Холст, масло. 1950. Инв. № 3970 III.

² Художник-ткач Д. Гаранфильян. Ковер с портретом К. Е. Ворошилова. Армянская ССР. 1930—1940-е гг. Шерсть, х/б, ворсовое ткачество. 153 × 120 см. Инв. № 3831 III.

³ Хроника жизни Антуана де Сент-Экзюпери, без автора // А. де Сент-Экзюпери. Сочинения в 2-х томах. Том 1. М., 1994. С. 15.

⁴ Прозвище А. де Сент-Экзюпери, данное ему товарищами-однополчанами.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I. «Советский миф» и культура Востока	
<i>А. М. Кантор.</i> Восточный миф и советская мифология	13
<i>А. А. Хакимов.</i> О двух разновидностях мифа в искусстве советской Средней Азии	20
<i>О. В. Костина.</i> Московское метро (30—50-е годы)	25
<i>И. И. Шептунова.</i> Сказка о ковре и самолете	51
<i>Л. Д. Шихзаманова.</i> Приключения Востока в стране Советов	64
<i>С. М. Хромченко.</i> Тенгиз Мирзашвили. «Кремлевские истории»	70
<i>И. В. Белинцева.</i> Тема «Востока» в архитектурных проектах 1930-х годов	92
<i>М. Б. Мясина.</i> Творчество А. Волкова первой половины 1930-х годов	103
<i>Е. С. Львова.</i> Портрет с полутенью	111
<i>П. Р. Гамзатова.</i> «Величественные цели и задачи...» — теория и практика народного искусства 30—50-х годов в СССР	128
<i>М. В. Юнисов.</i> Об одном архетипе самодеятельного театра 1920-х годов	145
<i>С. Ю. Румянцев.</i> Сталинская «реконструкция» народных музыкальных инструментов: миф и реальность	153
<i>К. Г. Богемская.</i> «Новый человек» в советском самодеятельном творчестве	162
<i>А. С. Коломиец, С. Н. Соколов.</i> О японском «Движении пролетарского изобразительного искусства»	170
<i>Н. Г. Анарина.</i> Японский левый театр 20—30-х годов XX века	215
II. XX век и культурные архетипы Востока	
<i>Ш. М. Шукуров.</i> Идея небоскреба	243
<i>Д. А. Гусейнова.</i> К вопросу о мифологических аспектах в мистериальных представлениях «та'зие»	261